

КНИГА ПЕРВАЯ

ЮСТИЦИЯ

1. ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ.
2. ДВА МИНИСТРА.
3. ШОФЕР РАТЦЕНБЕРГЕР И БАВАРСКОЕ ИСКУССТВО.
4. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮСТИЦИИ ТЕХ ЛЕТ.
5. ГОСПОДИН ГЕССРЕЙТЕР ДЕМОНИСТРИРУЕТ.
6. ДОМ ДЕВЯНОСТО ЧЕТЫРЕ ПО КАТАРИНЕНШТРАССЕ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ.
7. ЧЕЛОВЕК В КАМЕРЕ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ.
8. АДВОКАТ ДОКТОР ГЕЙЕР ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ.
9. ПОЛИТИКИ БАВАРСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ.
10. ХУДОЖНИК АЛОНСО КАНО (1601–1667).
11. МИНИСТР ЮСТИЦИИ ПРОЕЗЖАЕТ ПО СВОЕЙ СТРАНЕ.
12. ПИСЬМА ИЗ МОГИЛЫ.
13. ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ И МНОЖЕСТВО УШЕЙ.
14. СВИДЕТЕЛЬНИЦА КРАЙН И ЕЕ ПАМЯТЬ.
15. ГОСПОДИН ГЕССРЕЙТЕР УЖИНАЕТ У ШТАРНБЕРГСКОГО ОЗЕРА.
16. ОБНЮХИВАЮТ СПАЛЬНЮ.
17. ПИСЬМО ИЗ КАМЕРЫ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ.
18. ПРОШЕНИЯ О ПОМИЛОВАНИИ.
19. ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ И ГОЛОС В ЭФИРЕ.
20. НЕСКОЛЬКО ХУЛИГАНОВ И ОДИН ДЖЕНТЛЬМЕН.

ИОСИФ И ЕГО БРАТЬЯ

В зале номер шесть государственного музея современной живописи в Мюнхене в первый год после войны в течение нескольких месяцев висела картина, перед которой нередко толпами собирались посетители. На картине был изображен коренастый человек средних лет, который с улыбкой, залегшей вокруг его упругих губ, глубоко запавшими, продолговатыми глазами смотрел на группу мужчин, с оскорбленным видом стоявших перед ним. Лица этих пожилых холеных людей выражали различные свойства их характеров: чистосердечие, скрытность, властность, благодушие. Но одно было общим у всех: они стояли крепкие, сытые, довольные собой, уверенные в своей порядочности, в правоте своего дела. Было ясно, что произошло какое-то досадное недоразумение, так что они имели полное основание чувствовать себя обиженными, даже возмущенными. Только один совсем еще молодой человек в этой группе, несмотря на то что за ним с особенным вниманием следили притаившиеся на заднем плане полицейские, не казался обиженным. Он внимательно и, пожалуй, даже с доверием глядел на человека с продолговатыми глазами, несомненно игравшего здесь роль судьи и властелина.

Изображенные на картине люди и их переживания казались и знакомыми, и в то же время странно чужими. Такое платье вполне можно было бы носить и в наши дни, но все же с подчеркнутой тщательностью было исключено все специфически модное, так что нельзя было определить, к какой эпохе и к какому народу принадлежат изображенные на полотне люди.

В каталоге картина номер тысяча четыреста тридцать семь значилась под названием «Иосиф и его братья, или Справедливость» (триста десять на сто девяносто), имя художника было Франц Ландгольцер.

Другие картины этого мастера не были известны. Приобретение государством этой картины наделало много шума. Художник нигде

не появлялся. Ходили слухи, что он чужак и ведет где-то на лоне природы бродяжнический образ жизни. Говорили, что у него неприятные, вызывающие манеры.

Официальная критика не знала, как подойти к этой картине. Ее трудно было отнести к какой-либо категории. Налета дилетантизма, отсутствия профессиональных навыков у художника нельзя было не заметить; казалось даже, что он это намеренно подчеркивал. Странно старомодная, грубоватая манера письма, хотя она, как и самый сюжет картины, не представляла ничего сенсационного, все же возмущала критиков. Да и подзаголовок «Справедливость» звучал как вызов. Консервативные газеты отнеслись к картине отрицательно. Новаторы защищали ее без особого подъема.

Честные утверждали, что безусловно сильное впечатление, производимое картиной, трудно объяснить с помощью обычного словаря художественной критики. Многие из посетителей снова и снова возвращались к картине, многие думали о ней, многие искали разгадки в Библии. Там они находили рассказ о том, как Иосиф подшутил над своими братьями. В свое время братья, за то, что отец любил его больше, чем их, и за то, что он вообще был иным, чем они, продали его в рабство. Иосиф стал могущественным человеком, министром продовольствия богатого Египта. Братья являются к нему, не узнают его и пытаются заключить с ним сделку на поставку хлеба. Когда они собираются в обратный путь, он приказывает спрятать в их вещах серебряный кубок и арестовать их по обвинению в краже. Они выражают по этому поводу свое справедливое возмущение и утверждают, что они — порядочные люди.

Именно этих порядочных людей, следовательно, и желал избрать мастер, написавший картину номер тысяча четыреста тридцать семь. Вот они стоят, возмущенные, требующие восстановления своих прав. Они явились сюда, чтобы заключить с крупным государственным чиновником выгодную для обеих сторон сделку. И вдруг их считают способными стащить серебряный кубок. Они совсем забыли, что когда-то продали мальчика, своего родного брата. Ведь с тех пор прошло много лет. Они крайне возмущены, но держатся с достоинством. А тот человек, улыбаясь, глядит на них своими продолговатыми глазами, и полицейские на заднем плане стоят, туповатые, но полные служебного усердия. И название картины — «Справедливость».

Впрочем, номер тысяча четыреста тридцать семь через несколько месяцев исчез из государственной картинной галереи. В несколь-

ких газетах по этому поводу промелькнули шуточные заметки, многие посетители с сожалением отметили отсутствие картины. Но газеты понемногу перестали упоминать об этом, перестали задавать вопросы и посетители. Картина, как и создавший ее художник, была забыта.

2

ДВА МИНИСТРА

Министр юстиции доктор Отто Кленк, несмотря на дождь, ото-слал домой ожидавший его автомобиль. Он возвращался с абоне-ментного концерта Музыкальной академии и был приятно возбуж-ден. Теперь он пройдетя немножко, потом, может быть, выпьет еще рюмку вина.

В накинута на плечи своем любимом непромокаемом пальто, с неизменной трубкой в зубах, крепкий, высокий, он с удовольстви-ем шагал под мерный шум июньского дождя. В ушах его еще звуча-ли мелодии Брамса. Он свернул в обширный городской парк, так называемый Английский сад. С высоких старых деревьев падали капли. Упоительно пахла трава. Приятно было идти, вдыхая чист-ый воздух Баварской возвышенности.

Министр юстиции доктор Кленк снял шляпу, обнажив свой красно-бурый череп. Позади был тяжелый трудовой день. Но затем он слушал музыку. Хорошую музыку. Пусть ворчуны говорят что угодно — хорошую музыку надо слушать в Мюнхене. В зубах у не-го была трубка. Впереди — ночь, свободная от всяких дел. Он чув-ствовал себя свежим, словно на охоте в горах.

Жилось ему, если подумать хорошенько, отлично, прекрасно жилось. Он любил подводить итоги, с точностью устанавливал, в каком положении его дела. Ему было сорок семь лет — какая же это старость для здорового мужчины? Его почки были не совсем в порядке. Вероятно, именно от болезни почек он когда-нибудь от-правится на тот свет. Но пятнадцать-двадцать лет у него еще во всяком случае впереди. Его двое детей умерли. От жены, добро-душной высохшей старой козы, ожидать потомства ему уж не при-ходится. Но зато процветает этот парнишка Симон, которого ему родила Вероника, ставшая теперь экономкой в его горном имении Берхтольдсцелль. Он пристроил мальчишку в отделение государст-

венного банка в Аллертсгаузене. Там он сделает карьеру; он, министр, еще дождется внуков с приличным общественным положением.

Итак, с этой стороны все обстояло более или менее благополучно. А вот что касается служебных дел, там все обстояло более чем благополучно: там уж решительно не на что было жаловаться. Вот уже год, как он занимает пост министра, руководит юстицией своей любимой Баварии. Здорово выдвинулся он за этот год. Так же, как его гигантская фигура и длинный красно-бурый череп возвышались над его в большинстве низкорослыми, круглоголовыми коллегами по кабинету, так же точно он ощущал и свое превосходство над ними в отношении происхождения, манер и интеллекта. Со времени подавления революции повелось, что наиболее способные люди из господствующей группы воздерживались от прямого участия в управлении этой маленькой страной. На министерские посты они посылали второстепенных чиновников и довольствовались тем, что дают направление политике, оставаясь при этом в тени. То, что он, Кленк, человек крупнобуржуазного происхождения, несомненно способный, вошел в правительство, вызвало некоторое удивление. Но он чертовски хорошо чувствовал себя там, со всей страстью грызся в парламенте с противниками, проводил в области юстиций националистическую политику.

Веселый, шагал он под мокрыми от дождя деревьями. За год своего пребывания у власти он успел показать, что руки у него крепкие. Вот хотя бы процесс Водички, в котором он защитил права баварских железных дорог и обставил имперское правительство. Или процесс Горнауэра, когда он исконную баварскую пивоваренную промышленность спас от позорнейшего посрамления. И вот теперь это дело Крюгера. По нем, этот Крюгер мог бы хоть до окончания веков оставаться на посту заместителя директора государственного музея. Он, Кленк, решительно ничего не имел против Крюгера. Он даже не сердился на него за помещение в музее этих неприятных картин. Он, Кленк, сам понимал толк в картинах. Но то, что Крюгер, козыряя своей чиновничьей «несменяемостью», насмеялся над правительством, говорил, что ему наплевать на него, — вот это уже было непροститительно. Сначала пришлось терпеть. Флаухер, министр просвещения и вероисповеданий, эта жалкая фигура, не смог справиться с Крюгером. Но у Кленка явилась блестящая идея, и он возбудил против Крюгера судебное дело.

Кленк широко улыбнулся, вытряхнул трубку, принялся своим могучим басом напевать какую-то мелодию из брамовской симфонии, глубоко вдохнул запах полей и медленно затихавшего дождя. Вспоминая о своем коллеге, министре просвещения, Кленк всегда приходил в хорошее настроение. Этот доктор Флаухер был именно тем типом чиновника, выходца из крестьянско-мелкобуржуазной среды, каких правящая партия так охотно выдвигала на министерские посты. Ему, Кленку, доставляло удовольствие подзуживать его. Забавно было наблюдать, как этот тяжеловесный, неуклюжий человек, раздражаясь, беспомощно, словно собираясь боднуть, наклоняет голову, как его маленькие глазки на широком четырехугольном лице злобно сверкают, глядя на врага. За этим обычно следовала какая-нибудь тяжеловесная пресная грубость, которую Кленк без труда парировал.

Человек в непромокаемом пальто вытянул вперед руку, убедился, что дождь почти прошел, отряхнулся и повернул назад. Он задумал веселую шутку. Флаухер с самого начала хотел раздуть процесс Крюгера, сделать из него сенсацию. Черт знает, каких только пустозвонов не выдвигали теперь «черные» на министерские посты! Эти болваны на каждом шагу готовы были бить кулаками по столу, козырять, драть глотку. Он, Кленк, намеревался покончить с делом Крюгера изящно, без шума. Прямохонько с кресла руководителя государственного художественного музея отправить человека в тюрьму только за то, что он решился под присягой отрицать свою связь с женщиной, было в конце концов просто некультурно. Но Флаухер орал об этом деле на весь свет и заставлял все газеты кричать о процессе Крюгера. Тогда он, Кленк, послал одного из референтов министерства в имение доктора Бихлера, чтобы выведать точку зрения этого крупнейшего руководителя крестьянской партии и фактического тайного правителя Баварии. Доктор Бихлер, как и следовало ожидать от этого умного мужика, был, разумеется, того же мнения, что и Кленк. Он говорил об этих «мюнхенских ослах», вечно старающихся подчеркнуть, что власть в их руках. Как будто дело в видимости власти, а не в основной ее сущности. Об этих «ослах» Флаухер наверно еще не слышал: ведь референт министерства приехал только сегодня. Флаухер, должно быть, еще сидит в «Тиролер вейнштубе», ресторане старого города, где он обычно проводит вечера, и хвастает начинающимся завтра процессом. Кленк должен преподнести ему этих «ослов», сообщить ему мнение всемогущего человека. В таком удовольствии он себе не откажет.

Он повернул, быстро зашагал назад, нашел у выхода из парка машину.

Флаухер действительно находился в «Тиролер вейнштубе». Он сидел в кругу своих друзей в маленькой боковой комнате, где четверть литра вина стоила на десять пфеннигов дороже. Кленк нашел, что в этом ресторане его коллега кажется гораздо более на месте, чем среди вещей в стиле ампир в своем хорошо обставленном министерском кабинете.

Подчеркнуто бюргерский уют — деревянная облицовка стен, массивные, не покрытые скатертями столы, старомодные, крепкие, рассчитанные на усидчивых людей скамьи — все это составляло рамку, вполне достойную доктора Франца Флаухера. Тяжеловесный, с широким, тупым, упрямым лбом, сидел он, окруженный людьми с устойчивым положением, с устойчивыми взглядами. В комнате было сумеречно от сигарного дыма и испарений сытных кушаний. Из соседней пивной через открытые окна доносилось пение популярной труппы народных певцов. Слова песни — смесь сентиментальности и обнаженной похоти. За окном темнела небольшая, тесная и угловатая площадь со всемирно знаменитым пивоваренным заводом. Итак, здесь, на привычном, крепком деревянном стуле, с таксой у ног, сидел министр доктор Франц Флаухер, и вокруг него — художники, писатели, ученые. Министрпил, слушал, возился с собакой. Сегодня, накануне процесса Крюгера, он был окружен особенным уважением. Он никогда не скрывал своей ненависти к этому Крюгеру. И вот теперь для всех должно было стать ясным, что этот человек с извращенными художественными вкусами и в своей личной жизни был извращен и испорчен.

Появление министра юстиции сразу понизило настроение Флаухера. То, что своей победой над Крюгером он был обязан этому Кленку, было для него ложкой дегтя в бочке меда. Министр доктор Франц Флаухер не одобрял министра доктора Отто Кленка, хоть оба они и принадлежали к одной и той же партии и проводили одну и ту же политическую линию. Флаухера раздражал аристократический, полный сознания своего превосходства тон, которого по отношению к нему придерживался Кленк, раздражали его богатство, охота в горах, его два автомобиля, долговязая фигура, его власть и несерьезность; Флаухер не одобрял Кленка как такового и всего, что Кленку принадлежало. Ему небось все доставалось легко, этому Кленку. Его родители, деды и прадеды принадлежали к «большоголовым». Какое представление этот человек имел о жиз-

ни чиновника? Он, Франц Флаухер, четвертый сын секретаря королевского нотариуса в Ландсгуте в Нижней Баварии, каждый шаг своего пути, от колыбели и до министерского кресла, оплатил потом и с трудом проглоченными унижениями. Сколько потребовалось бессонных ночей и скрежета зубового, прежде чем ему удалось не только — не в пример своим братьям — одолеть греческий язык, но и окончить среднюю школу, ни разу не оставшись на второй год. Сколько нужно было хитрости и самоограничений, чтобы двигаться затем дальше по пути к чиновничьей карьере и не застрять в дороге. Сколько хождений и просьб, чтобы каждый раз сызнова закреплять за собой одну из клерикальных стипендий. Сколько усилий, чтобы, в качестве члена не признающего поединков католического студенческого союза, убеждать редакторов в необходимости помещать в газетах его статьи, со всех сторон освещавшие вопрос о праве и обязанности студентов отказываться от вызовов на дуэль. И все же, если бы не тот случай, когда возвращавшиеся после утренней кружки пива студенты-корпоранты, решив испытать степень его униженной покорности, высекли его, — если бы не этот счастливый случай, он так и остался бы на дне. Но даже несмотря на это, сколько раз еще приходилось ему скромно, но настойчиво ссылаться на перенесенные истязания, в которых, на его счастье, участвовал между прочим и сын одной влиятельной особы, сколько раз еще вынужден он был требовать возмещения «убытков», нанесенных ему этой историей, пока ему наконец не удалось выплыть на поверхность. А сколько раз пришлось потом, стиснув зубы, в душе сознавая свое превосходство, покорно склоняться перед волей всяких идиотов — вождей партии, из страха, что бóльшая покорность какого-либо другого кандидата явится доказательством бóльшей пригодности этого другого на пост министра.

С глубоким недоверием поглядывал Флаухер на Кленка, который под шум приветствий с медвежьей грацией усаживался за стол, с удовольствием отпуская остроты по адресу присутствующих, то благодушные, то полные желчи и яда. Отвратительный тип этот Кленк! Избалованный человек, для которого политика — просто забава, такой же способ заполнить жизнь, как вечер за покером в клубе или охота в Берхтольдсцелле. Какое понятие имеет этот Кленк о том, насколько он, Франц Флаухер, чувствует себя внутренне обязанным защищать старинные, твердо обоснованные взгляды и обычаи от распущенности, свойственной жадной до наслаждений эпохе? Война, переворот, все шире развивающееся общение с другими

странами прорвали немало крепких плотин; он, Франц Флаухер, чувствовал себя призванным защищать последние оплоты от зловредных волн современности.

Какое значение имели такие вещи для Кленка? Вот он сидит, этот субъект с удлинённым черепом, с огромными лапами, украшенными длиннейшими ногтями. Для него, разумеется, недостаточно хорошо обыкновенное тирольское вино, он, видите ли, должен лакать дорогое бутылочное! Для него и процесс Крюгера, наверно, только новый забавный фокус. Этот легкомысленный человек даже и понять не способен, что обезвреживание такого субъекта, как Крюгер, можно считать столь же важным делом, как излечение мокнувшего лишая.

Ведь обвиняемый по этому процессу доктор Мартин Крюгер — настоящий продукт этой ужасной послевоенной эпохи. Заняв свою должность во время революции, он в качестве заместителя директора государственного музея приобрел картины, вызывающие возмущение всех здравомыслящих и верных церкви людей. От двусмысленной, пахнувшей крамолой картины «Иосиф и его братья» удалось избавиться относительно быстро. Но кроважидное, садистское «Распятие» художника Грейдерера и обнаженная женская фигура, производившая особенно бесстыдное впечатление тем, что являлась автопортретом художницы (до какой степени развращенности должна была дойти эта особа, рисовавшая самое себя голой и, словно девка, выставлившая напоказ свои бедра и грудь!), — ведь эти две картины еще недавно позорили государственную картинную галерею. Его, Франца Флаухера, галерею, за которую он нес ответственность! Министра, когда он вспоминал об обеих картинах, охватывало чувство почти физического отвращения. Виновника всей этой мерзости, этого Крюгера, Флаухер не выносил — не выносил его изящно очерченных губ гурмана, его серых глаз и густых бровей. Когда однажды ему пришлось пожать Крюгеру руку — эту теплую, волосатую руку — своей собственной жесткой, жилистой рукой, он почувствовал нечто вроде изжоги.

Он тогда же, своевременно, принял все меры, чтобы разом избавиться от этого Крюгера. Но его коллеги по кабинету — и прежде всего, конечно, Кленк — высказали сомнение в целесообразности насильственных мер. Увольнение доктора Мартина Крюгера, пользующегося широкой известностью знатока истории искусств, в дисциплинарном порядке — «ввиду несоответствия занимаемой долж-

ности» — могло подорвать престиж города в области искусства, а подобные соображения в то время еще останавливали членов кабинета.

Вспоминая об этих доводах, помешавших ему давно уже разделаться с Крюгером, министр Флаухер заворчал так громко, что забеспокоилась лежавшая у его ног такса. Престиж в области искусства! Страна, которой он, Флаухер, служил, была страной земледельческой. Город Мюнхен, расположенный в центре этой страны, как по характеру своего населения, так и по своей структуре носил определенно крестьянский отпечаток. Об этом не мешало бы подумать господам коллегам по кабинету. Они должны были бы стараться оградить свою столицу от этой лихорадочной погони за наслаждениями, накладывающей свой гнусный отпечаток на все большие современные города. Вместо этого они, как идиоты, болтают о престиже в области искусства и тому подобной чепухе.

Министр Флаухер проворчал что-то, вздохнул, рыгнул, выпил вина, с досадой оперя локтями о стол и, склонив шишковатую голову, крохотными глазками уставился на благодушно восседавшего за столом Кленка. Кельнерша Ценци, уже много лет обслуживавшая этот стол в «Тиролер вейнштубе», стояла, прислонившись к буфету. Взглядом организатора следила она за своей помощницей Рези, не переставая в то же время с легким юмором наблюдать за расшумевшимися мужчинами, учитывая как колебания в их настроении, так и уровень остающегося еще в их стаканах вина. Эта полная, крепкая женщина с красивым широким лицом, страдавшая в связи со своей профессией плоскостопием, отлично знала всех своих постоянных посетителей. Она прекрасно заметила, как изменился министр Флаухер при появлении министра Кленка. Она знала, что Флаухер в этот час, если он в хорошем настроении, закажет вторую порцию сосисок, а если в плохом — редьку. Он не успел даже пробормотать до конца свое приказание, как редька уже очутилась перед ним на столе.

Престиж в области искусства! Как будто он сам, Флаухер, не любил, например, музыки? Но было просто признаком дегенерации, снобизмом — ради этого самого «престижа» спускать каждому «чужаку» всякую вызывающую выходку, всякое свинство. Министр Флаухер в порыве досады по рассеянности притянул к себе тарелку с остатками ужина своего соседа и бросил своей таксе кость. Даже и тогда, когда он занялся приготовлением по всем правилам искус-

ства своей редьки, его не переставало терзать сознание того, как бесконечно долго ему пришлось терпеть в музее вредителя Крюгера.

Такса у его ног чавкала, грызла кость, глотала, жрала. Окончив возню с редькой, министр выжидал, пока отдельные ломтики водянистого корнеплода втянут достаточное количество соли. Сквозь открытые окна, несмотря на шум в ресторане, явственно доносились из находившейся напротив пивной звуки исполняемого сотнями голосов мюнхенского гимна: пока старый Петер стоит у Петерберга, пока течет по городу зеленый Изар, до тех пор не иссякнут в Мюнхене веселье и уют. Да, долго, долго пришлось Флаухеру ждать, пока он избавился от Крюгера. Пока — да, приходилось в этом признаться, — пока Кленк не дал ему в руки оружия против Крюгера. Флаухеру ясно представился этот час. Это было в такой же вечер, как сегодня, здесь же, в «Тиролер вейнштубе», за тем столиком, вон там наискосок, под большим выжженным пятном на облицовке, о котором с таким цинизмом говорил однажды писатель Лоренц Маттеи. На этом самом месте Кленк, с трудом сдерживая свой сильный бас, сначала в виде намеков и, по своему обыкновению, поддразнивающим, двусмысленным тоном, а затем уже в ясных словах преподнес ему тогда это «дело Крюгера», это ниспосланное богом дело о лжесвидетельстве, давшее возможность удалить Крюгера с занимаемой должности и потом при помощи процесса устранить его раз и навсегда. Это был великий вечер, он готов был тогда простить Кленку все его надутое высокомерие — такой подъем испытывал он от сознания победы правого дела и гибели злого.

И вот настает долгожданный день. Завтра процесс начнется. Он, Франц Флаухер, до конца насладится победой. Он будет стоять, массивный, представительный, какими он не раз видел священников на амвоне деревенской церкви, и внушительно возгласит: «Глядите, вот каковы они, безбожники! Я, Франц Флаухер, с самого начала почуял в нем дьявола».

Он принялся за достаточно уже пропитавшуюся солью редьку. К каждому ломтику полагалось добавить немного масла и кусочек хлеба. Но он ел машинально, без обычного наслаждения. Приподнятое настроение, в котором полтора часа назад он покинул свою квартиру, исчезло с той самой минуты, как появился Кленк. Тот с показным добродушием не обращает внимания на Флаухера, но это лишь притворство: сейчас он с самым невинным и приветливым видом поднимет его на смех.

И вот он действительно услышал густой бас Кленка:

— Да, кстати, коллега, мне необходимо вам кое-что рассказать.

Вряд ли это сообщение будет особенно радостным. Густой бас Кленка звучал спокойно, но Флаухер ясно различал в словах коллеги намерение уязвить его. Кленк неторопливо вытянулся во весь свой огромный рост. Флаухер продолжал сидеть, склонившись над последними ломтиками редьки. Но Кленк сделал приветливый, благодушный жест, и Флаухер против своей воли тоже встал. У буфета стояла кельнерша Ценци и глядела на него. Ее проворная помощница Рези, не переставая болтать с одним из посетителей и не забывая в то же время переменить тарелку на другом столике, также поглядела вслед обоим мужчинам, вместе дружно направлявшимся в уборную. Флаухер шел с тем мрачным чувством, которое он испытывал будучи студентом, когда его вызывали на дуэль.

В выложенной фаянсовыми плитками уборной Кленк рассказал Флаухеру о беседе своего референта с вождем крестьянской партии Бихлером. Нет, Бихлер не сочувствовал тактике министра Флаухера в вопросе о процессе Крюгера. «Осел», — сказал, как сообщают из достоверных источников, Бихлер. Так вот прямо, без обиняков и сказал: «Осел». Нужно признаться, что и он, Кленк, ни в коей мере не разделяет взглядов уважаемого коллеги в этом вопросе. Но «осел» — это, конечно, чересчур сильное выражение. Все это Кленк выкладывал, нисколько не стараясь умерить свой громовой бас. Он так орал, что, конечно, его было слышно и за стенами уборной.

Мрачный, сутулясь еще больше обычного, вышел министр просвещения Флаухер, бок о бок с весело болтавшим Кленком, из облицованного фаянсовыми плитками помещения. Он так и знал: ему не дадут насладиться победой. Нечего было и думать противиться ясно выраженной воле агрария Бихлера, фактического правителя Баварии. Приходилось отойти в сторону, отказаться от триумфа. Оплевано было для него теперь все, весь процесс. Молча сидел он, склонившись над остатками своей редьки, оттолкнув ногой повизгивающую таксу, с мрачной злобой прислушиваясь к все новым раскатам смеха, вызываемым веселыми шутками Кленка.

Понурый и ворчливый вернулся в этот вечер министр Флаухер в свою квартиру, которую несколько часов назад, предвкушая процесс Крюгера, он покинул в таком приподнятом настроении. Усталая, боязливо ощущая печаль своего хозяина, такса скользнула в свой уголок.

ШОФЕР РАТЦЕНБЕРГЕР И БАВАРСКОЕ ИСКУССТВО

Председательствующий, ландесгерихтсдиректор доктор Гартль, общительный блондин, сравнительно молодой — ему едва ли было пятьдесят, — с небольшой лысиной, был любителем изящества, ловкости в ведении судебных процессов. Среди баварских судебных чинов было не много столь же способных достойным образом вести процесс, привлечший внимание всей страны. Он знал поэтому, что правительству некому больше поручить это дело и что он может действовать, как ему заблагорассудится, лишь бы конечный результат, то есть в данном случае осуждение обвиняемого Крюгера, соответствовал политике кабинета. Богатый и независимый, честолюбивый судья чувствовал себя очень важной персоной. Не мешало показать правительству, что он умеет всесторонне использовать свои способности и представляет собой фактор, с которым необходимо считаться. Его истинно баварские, консервативные убеждения находились вне всяких подозрений. Умело подобранный состав присяжных являлся солидной страховкой. В смысле юридических знаний он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы, опираясь на гибкие параграфы, юридически обосновать любой приговор, — почему же не позволить себе роскошь такое громкое дело, как этот процесс Крюгера, провести утонченно-художественно, показать свое умение понять все человеческие слабости?

Руководствуясь безошибочным инстинктом в создании нарастания впечатлений, он ограничил допрос обвиняемого формальными вопросами, приберегая эффекты к тому моменту, когда внимание начнет ослабевать. Пришлось ждать довольно долго, пока наконец он не распорядился вызвать главного свидетеля обвинения.

При появлении шофера Франца Ксавера Ратценбергера все шеи вытянулись, к глазам поднялись лорнеты, и лихорадочно заработали зарисовщики больших газет. Маленький, толстенный, круглоголовый человек с светлыми усами, польщенный общим вниманием, выступал с важностью и деланой непринужденностью в непривычном и стеснявшем его черном сюртуке. Скрипучим голосом, на местном диалекте он обстоятельно отвечал на вопросы, касавшиеся его личности.

Безмолвно прислушивались присутствующие к нескладным, ничего в сущности не говорящим словам, которыми этот низкорослый

человек с крохотными глазками решительно подтверждал виновность Крюгера. Итак, три с половиной года назад, в ночь с четверга 23 на пятницу 24 февраля, он в три четверти второго вез обвиняемого Крюгера с какой-то дамой с Виденмайерштрассе до дома номер девяносто четыре по Катариненштрассе. Здесь доктор Крюгер вместе с дамой вышел из автомобиля и, расплатившись с ним, вместе с дамой вошел в дом. Крюгер во время разбирательства дисциплинарного дела, возбужденного вскоре после этого против ныне покойной Анны Элизабет Гайдер, под присягой показывал другое, а именно утверждал, что в ту ночь проводил свою даму до ее квартиры, а затем в том же автомобиле поехал дальше. Таким образом, если придавать веру словам шофера Ратценбергера, Крюгер был виновен в даче на суде под присягой заведомо ложных показаний.

Председатель с подчеркнутым беспристрастием, не дожидаясь вмешательства защитника доктора Гейера, поставил свидетелю на вид неправдоподобность его показаний. Описываемые события имели место три с половиной года назад. Как же мог Ратценбергер, перевезший за это время тысячи пассажиров, с такой точностью помнить все подробности, относившиеся к доктору Крюгеру и его спутнице? Не перепутал ли он дат или личностей? Дружелюбно-небрежным тоном, каким председатель суда имел обыкновение говорить с людьми из народа, продолжал он беседовать со свидетелем, вызвав даже беспокойство у прокурора.

Но шофер Ратценбергер был хорошо натаскан и не скупился на ответы. В других случаях он, мол, не мог бы с такой уверенностью говорить о личностях и сроках, но 23 февраля был день его рождения, он отпраздновал его и, собственно говоря, решил в эту ночь не работать. Все же он выехал, так как не был оплачен счет за электричество и его старуха ныла до тех пор, пока наконец он не решился выехать. (Корреспонденты отметили смех в зале при этих словах.) Было чертовски холодно, и он чертовски злился бы, если бы не удалось заполучить пассажира. Его стоянка была у Мауэркирхенштрассе, где живут богатые господа. Вот он и посадил пассажиров — этого самого господина Крюгера с дамой. Господа эти вышли из дома по Виденмайерштрассе, где все окна были освещены. По-видимому, там было какое-то большое празднество.

Все это он выложил своим скрипучим голосом с самым прямодушным видом, слегка причмокивая после каждой фразы и стараясь объясняться как можно яснее. Он производил впечатление порядочного человека и казался достойным доверия. Судьи, при-

сяжные, журналисты и публика с интересом прислушивались к его показаниям.

Почему, — поинтересовался председатель (он также заговорил теперь на местном наречии, что привлекло к нему общие симпатии), — почему, собственно, Ратценбергер обратил внимание на то, что доктор Крюгер вместе с дамой вошел в дом по Катариненштрассе? Шофер ответил, что он и его товарищи всегда очень интересуются такими вещами, так как пассажир, провожающий даму и входящий с нею в дом, обычно не скупится на чаевые.

Каким образом он в темноте так ясно разглядел лицо обвиняемого, что теперь с уверенностью решается опознать его?

— Такого человека, как господин Крюгер, — помилуйте! — ответил шофер. — Его мудрено не узнать!

Присутствующие вглядываются в обвиняемого, рассматривают его крупное лицо, широкий лоб, низко заросший черными до блеска волосами, серые глаза под густыми темными бровями, большой мясистый нос, изогнутую линию рта. Да, правильно: это лицо легко было запомнить. Было вполне правдоподобно, что шофер мог и несколько лет спустя узнать его.

Обвиняемый сидел неподвижно. Его защитник, доктор Гейер, внушил ему, чтобы он сам не вмешивался в ход прений, предоставив это ему, защитнику. Доктор Гейер охотно также стер бы с лица обвиняемого залегшую в уголках его губ вызывающую улыбку, отнюдь не способную привлечь на его сторону симпатии присутствующих.

Адвокат, сухощавый белокурый человек с тонким крючковатым носом, с редкими волосами, с быстрыми голубыми глазами за толстыми стеклами очков, с трудом владевший своим нервным лицом, ясно понимал, что, задавая наводящие вопросы, председатель преследует цель не поколебать, а укрепить доверие к показаниям свидетеля. Для него стало ясно, что к возражению, будто шофер не может через три с лишним года помнить, как вел себя его пассажир, здесь хорошо подготовлены. Поэтому доктор Гейер решил повести на него наступление с другой стороны. Он сидел напряженный и готовый к действию, словно заведенный и уже вздрагивающий автомобиль, готовый рвануться с места. Легкая краска то покрывала его лицо, то сбегала с него. Настойчиво, не спуская своих зорких глаз с шофера, он принялся с самым невинным видом издали перебирать его не внушавшее особого доверия прошлое.

Фейхтвангер Л.

Ф 36 Зал ожидания. Кн. 1 : Успех : роман / Лион Фейхтвангер ; пер. с нем. В. Вальдман. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23814-5

«Успех. Три года из истории одной провинции» — первый роман трилогии «Зал ожидания», впервые опубликованный в 1930 году. Работая над романом в течение трех предшествующих лет, Фейхтвангер создает всеобъемлющую панораму жизни Баварии, где в 20-х годах XX века стремительно набирает влияние политическая сила, которой совсем скоро оказалось суждено не только стать главенствующей в Германии, но и драматически повлиять на судьбу всего мира. Вымышленный Фейхтвангером процесс над искусствоведом Мартином Крюгером, с которого начинается роман, становится в нем точкой невозврата, демонстрацией бессилия действующей власти против вызовов современности, катализатором популярности энергичной идеологии истинных патриотов и будущего успеха националистов с авторитетным лидером во главе...

Пророчески трактуя события, вершащиеся на политической арене родной Баварии, как трагические, Фейхтвангер вынужден был покинуть Мюнхен и начал писать «Успех» уже в Берлине. С приходом к власти национал-социалистов его книги попали в список подлежащих сожжению, а 25 августа 1933 года писатель был лишен немецкого гражданства.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Книга 1
УСПЕХ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Иван Игнатъев

Подписано в печать 05.09.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-LN-32769-01-R